

Внеконкурсная подборка, присланная на Отборочный тур Международного литературного конкурса "Кубок Мира по русской поэзии - 2017". В случае прохождения Отборочного тура автор будет допущен до участия в 1-м туре конкурса.

Колыбельная

Ночь, переход живет и дышит пьяным
Каким-то сумраком в упрёк всему.
Холодный свет звенит в зеленой ране,
И дым не впереди, а мы в дыму

Я и куратор тайный мой бредём
Не в точку Б и не от А подальше
Ташу вину в бочонке, но гвоздём
Пробил дыру мой спутник веком раньше

Два колеса, один гудит мотор.
Так гадко, что услышать запах дыма,
Как оправдание желаешь, чтоб укор

Не вешать без причин. Удар залива
О кость гранита. Колокольня спит,
Но бледный лик ее храпит в набат обрыва.

И сверху видны сотни пар, шуршат
По параллелям вытопанных улиц,
Как шахматы, забывшие обряд
Поочередности, и даже створки устриц
Бьют марш, не могут, не хотят
Лежать в своих тенях, жевать тревогу.

Сам город попытался повторить
Луны прирост и дал приют любому,
Кто ночью зажигает окна, вид
Такого зрелища-блаженная истома
Для всех пяти. Так надрезают нить
Ребёнка с матерью, и там, согласно Ому,
Родится третий-обгоревший коротыш,
Ползущий в гору, как вода к пустому.

На отдалении понятия сухи,
Цвета минуют промежутки спектра.
Ничто не может скрыться от руки:
Удар, объятия-все это выше метра
И тише неба по центру строки.
Трассёром кружащей во тьме кометы
Эпоха гнётся о Его буйки,
Внизу живущим составляет смету.

Ноктюрн

Над рюмкой северной луной затёкший глаз,
Он льёт туман стеклянно-оловянный.
Рука моя до усыпальниц добралась,
Скользя по гостевому фортепьяно

На скулах сшитые морозом лоскуты-
Чужие искры, даже подо льдом
Теряют имена,но что до простоты:
Ее хранит планеты метроном

Их век-моя педаль, желанная октава,
Осыпет с глины в ноги бледное лицо.
Но время выдало побольше минусов,
Чтоб ворох слева не испачкал право.
И кто не прав столпы, держащие булавы,

Или оно, рождая славных подлецов?

Новый день

Дети, утро, бег по пеплу трассы к Эос,
Блики луж вновь ставших частью неба,
Лёд, как плесень сходит с дома, явь согрелась,
Чьи-то песни превозносят Феба.
Мертвый век опал, как вынуждает зрелость.

Зелень парков, свежесть, звезды летней ночи,
Птицы, звери, парочки робеют
От свободы данной, от её пророчеств.
Но бледнеет в темноте аллеи
Мрамор, и с кровати с криком чуткий вскочит.

Сон в своём масштабе заглушает лиры,
Топчет хором слово, топчит море.
Ночь, стоишь с лампадой в пустоте квартиры
У трюмо, как факел, в коридоре.
Образ старый проступает в новом мире:

На дверях гробницы горбунов печальных
Тень дрожит, гробы лежат под гробом,
Кружат осы ,кружат сотни жал их.
Это место с карты вырванное богом
То ли как припарка, то ли грим на раны.

Лёд смыкает воду, кража звуков, блеска:
Злоба зим, как зависть к младшим братьям.
Парк, из снега тянет руку в арабеске
Камень с чем-то, что не распознать мне,
Стон руин в черте оборванной и резкой.

Краска на фасадах сплыла в промежутки
Между "нет" и "было", даже стены
Строят здесь из праха, проплывают сутки,
Не оставят тени у антенны,
Не проронят воя у прогнившей будки.

